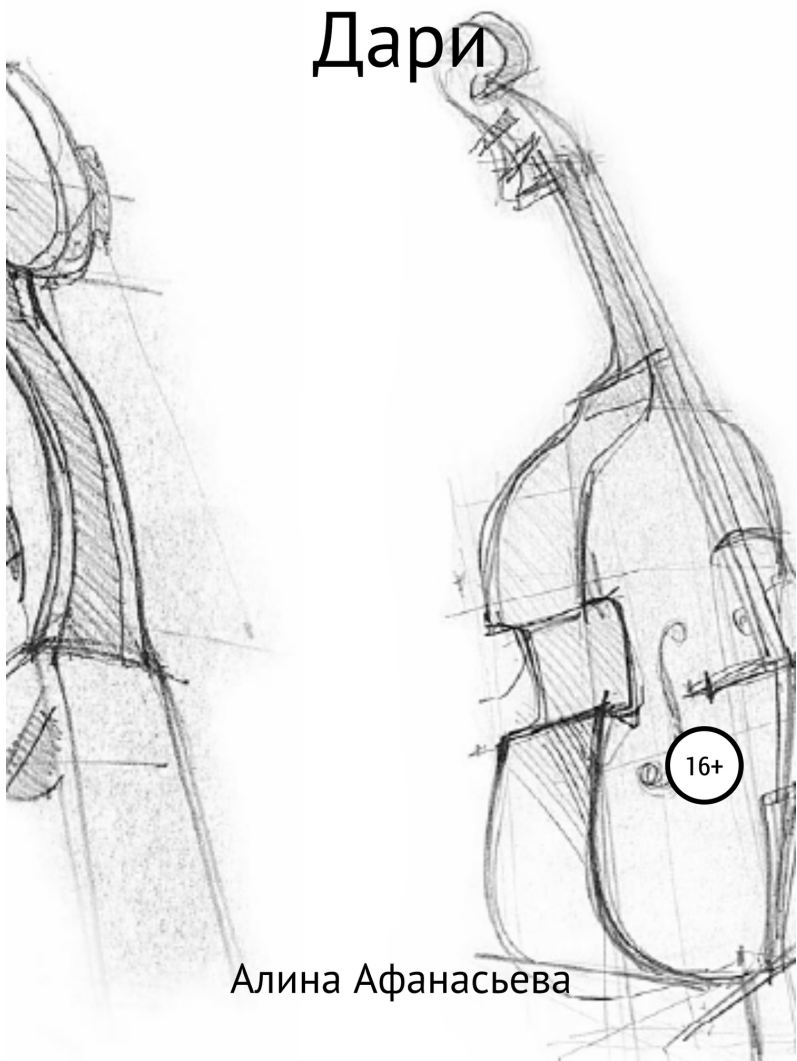

Дари

16+

Алина Афанасьева

Алина Афанасьева

Дари

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40988729

SelfPub; 2019

Аннотация

Позови, и он придет. Открой ему двери, и он проникнет в самые затаенные уголки твоей души. Избавит от страха и сомнений. Молчаливо подарит ответы на самые важные для тебя вопросы. Выполнит свое задание и исчезнет. Его дар – научить тебя счастью "отдавать". Готов его принять? Зови...

Содержание

Часть первая	4
Часть вторая	14

Часть первая

Когда я толкала двери руками, они не поддавались , не пускали меня...и казалось, что за ними осталась вся моя жизнь. А я...я растаю здесь в этой пустой комнате. И я пыталась разодрать доски руками, колотила их со всей яростью. Синяки и ссадины проявятся завтра... Сейчас я не чувствовала ни боли, ни жжения, только невозможность реальности и бессилие. Эта дверь закрылась навсегда, и я не хотела смириться. Ведь я все ещё ощущаю твоё тепло, твоё прикосновение, тающее в прощании. Тобою пахнут мои волосы и скомканые простыни. Но дверь как будто из бетона. Как будто муляж. Она никуда больше не ведёт. И я знала, что это случится рано или поздно. Ты ушел.

Когда я словно стекла по стенке, потому что уже просто не держали ноги, – отпустил адреналин, за опустившимися веками мелькали картинки воспоминаний о том, как ты появился в моей жизни. Было тихо, холодно и одиноко. Даже дождь не хотел постучать в мое окно. Но я услышала сквозь полудрёму, как будто кто-то скребется за стеной. "Мышка... ну ты найдешь выход, выроешь норку и выберешься. Жаль, что у меня нет сыра", – подумала я. На следующее утро я нашла следы штукатурки на полу. И ночью уже были не шорохи, а стук в стену. Только стучали, словно по дереву, хотя моя стена была кирпичной, со штукатуркой

и краской... Утром я обнаружила трещины, и конечно, собралась жаловаться домовладельцу. Назревал ремонт, а мне очень не хотелось затягивать вещи пленкой и снова переживать строительную пыль и запахи краски, не выветриваемые и не выстирываемые из самых любимых вещей. В ночь, когда я приехала домой очень поздно и упала от усталости на кровать, не раздеваясь и не умываясь даже, я не услышала ни звука. И, как назло (или на счастье), утром в стене появилась дверь. На работу я вбежала с жуткой головной болью, после бурной ночи танцев и песен, ещё не отрезвела, но уже ошалела от такого казуса... "Дверь в моей стене, и как я раньше не могла её заметить? Что со мной?" А потом я набросилась на тебя с ножом, не умея и не зная, как им пользоваться. Ты же открыл дверь в мою спальню! Чужой мужчина зашёл ко мне даже не в дом, а сразу в спальню!!! Но твой взгляд, поза, улыбка успокоили меня. Ты медленно и мягко взял мою руку с побелевшими от напряжения костяшками, тепло расслабило немного хватку, ты вынул нож и не отпустил меня. Просто поздоровался.

Помню ещё, как ты однажды увидел гитару. Ты не понял, что это за предмет мебели, а я пригласила прикоснуться к струнам. И ты услышал звук, создаваемый вибрацией одной струны. Я взяла гитару в руки, пару аккордов, перебор. Ты был в шоке.

– Ты не слышал никогда, как звучит гитара?

– Что это?

– Музыка.

– Я недоуменно на тебя смотрела, умирая от любопытства...

– Как ты создаёшь эти звуки???

Я снова подумала, что ты сумасшедший, или пришелец.

– Музыка – это когда звуки создают историю, которую хочется спеть. Ее как будто слышит твоя душа. Она может быть грустной, может быть дерзкой, может вызывать слезы, мурашки по коже, может заставить пуститься в пляс.

– Пляс??

– Танец, – смеясь, с горящими глазами я пыталась объяснить.

– Что такое танец?

Я начала двигаться в такт, стоя на месте, покачивая бедрами.

– Хм...ну это не танец, это соблазнение!

– Нееееет, это танец!

Тогда я взяла твою руку в свою, другой обвила талию.

– Видишь, ты двигаешься в такт музыке, твоё тело становится похожим на воск.

Ты засмеялся, увидев отражение в зеркале.

– Ну да, это может быть смешным, но и красивым, если это делают умеющие люди.

Я села в кресло и запела мою любимую «Tender hands» Криса де Бурга.

– Ну вот и оно! То, почему я к тебе пришел! Я слышал

эти слова сквозь твой сон! Ты пела, шептала их, эти слова: “I need tender hands to hold me”.

Я не очень поняла тебя, витая в своих мечтах и ощущениях.

– Послушай, ну как же ты, или вы, выражаете свои чувства? Как рассказываете о них миру? Как делитесь ими? Знаешь, те, что не удержать, что нельзя описать простой фразой. Когда, если ты не споешь или не сыграешь, – тебя разочвет, так ты полон ими... – Мой голос приобрел особые нотки, речь – скорость, как и всегда, когда я не успевала совладать с чувствами.

– Я делаю вот так. – Спокойно сообщил ты.

И твои руки прикоснулись к моему лицу. Лоб наклонился ко лбу. Руки скользнули под волосы, настойчиво и нежно одновременно. Потом ладони спустились на мои плечи, скользнули вниз по рукам и наши пальцы сплелись. Таких чувств моя кожа ещё не испытывала, и я каждой волосинкой и клеточкой поняла, что твой мир – это мир прикосновений. И он прекрасен, ведь я об этом столько думала и так желала этого. Не знала, что кто-то умеет так. Чтоб каждое движение и прикосновение – успокаивало, разжигало, заставляло замирать сердце, чтобы тело таяло и тянулось за рукой. Изгибалось, повторяя каждое движение, как будто боясь лишиться этого ощущения.

По вечерам ты открывал новые чувственные места, новое качество прикосновения. Это не было эротичным, но напол-

нено особой энергией. Она могла струиться, словно переливаться и искриться, как на солнце перламутр. А могла быть требовательной, обжигающей, взрывной волной заставляющей перерождаться, восставать. Ты мог просто гладить мои волосы, а потом брать мою ладонь и опускать ее на свою голову. И я чувствовала, как волосы просачиваются сквозь пальцы, какими они могут быть шелковистыми, где длиннее, тающими на завитках или жёсткими на висках, где подстрижены короче всего. Ты брал мои руки, обнимал ими свое лицо, и давал моим большим пальцам проводить по твоим ресницам, уходить к вискам, усиливая давление, массировать их. Переходить указательными пальцами на уши, повторять их овал, спускаться к мочке, захватив ее и массируя. И наконец, запустить все пальца под волосы, почувствовать, как кожа головы может реагировать. Какая она просящая и податливая. Как чувствуется, насколько она жаждет прикосновений, скрытая, будто спрятанная от ласки.

А какие невероятные ощущения приносило понимание того, что твоя ладонь на моей шее лёгким движением вызывает бегущие по всему телу мурашки или полное расслабление всего корпуса, а не только напряженных плеч. И как можно теплом успокоить дрожь и невротичность рук. Как все явственней может становиться биение пульса на артерии, когда все тело распаляется от ожидания и предвкушения прикосновений. Когда словно дышишь кожей, а не легкими. Или когда кожа замирает, а не сердце. А то, как она

подрагивает, как можно прочувствовать момент ошестинивания, и как она плавится и нежится. Как она заставляет все тело свернуться в клубок от страха, как дёргает словно за отдельные нити при щекотке. Ты научил меня растирать ложбинку между большим и указательным пальцем, держа за руки, соприкасаясь только руками. Но какие бушующие страсти это может вызвать! И в то же время как может расслабить и дать нутром ощутить негу и облегчение, когда крепкие и уверенные пальцы массируют уставшие ступни ног. Как растекается мягкостью даже самый твердый пресс, от нежных и ласковых поглаживаний. А он не может быть жёстким, он хочет быть податливым и уютным. Ведь “живот” – потому что в нем жизнь твоя бьётся аортой, или рождается новая, и растёт, чтобы прийти в этот мир. Ты показал мне, как лёгкой пробежкой ноготками по спине, можно заставить кожу встрепенуться, ожить. А чувствительные пощипывания дадут ей расслабиться, разглядят, снимут скованность и напряжение всего дня.

Я смогла почувствовать столько граней и нюансов. Твои руки вернули мне ощущение защищенности. Это словно заставило биться жизнь в каждой клетке моего тела. И мне захотелось исследовать весь мир руками. Почувствовать все кончиками своих пальцев. Они стали проводниками в миллиарды вспышек моих ощущений. Я не просто почувствовала невероятное разнообразие прикосновений на себе, я узнала свое тело, что ему нужно, что его бодрит, что успокаива-

ет, чего оно просит и чем я причиняла ему боль.

Но самое ценное – ты научил меня, что дарить все это своими руками другому телу приносит осязаемую отдачу. Это бесценно – понимать, что ты можешь сделать, и давать то, что необходимо. Отдавать – это не значит терять. Это значит приобретать. Странно...

Было прекрасно жить во сне. Возвращаться в свою квартиру одной, но укутываясь лёгкой дремотой, ждать слабого стука в дверь. Встречать тебя сонной и разнеженной, возбужденной и безумной. Чувствовать, как прикосновение твоей руки успокаивает мои бури, когда я на верхней точке кипения. Или как ты пробуждаешь на восстание каждый миллиметр моего тела, когда я почти готова утонуть во сне. И вот сейчас... Я бьюсь головой об стенку буквально... Я просто хочу, чтобы этот кошмар закончился. Проснуться? Нет, это уже не сон. Нужно подняться, умыться холодной водой, выйти на свежий морозный воздух и закрыть глаза.

Наступило утро. Оно очень робко пробралось сквозь шторы, показав прекрасные краски неба, солнца, облаков в духе Клода Моне. Я заставила себя подняться с пола, зашла в ванную, медленно сняла, скорее, стянула с себя одежду, оставив все на полу. Открутила термостат на 45 градусов, подождала, пока пар медленно заполнит душевую, и стала под горячие струи воды. Это расслабило напряжённые плечи, они опустились, Вода стекала по измученным пальцам, снимая боль. Резко переключила кран в холодное положение и задержала

дыхание. Ток пробежал по всему телу. Снова горячая, выдох блаженства, и снова ледяная. Глаза заблестели, кожа взъерошилась, став щитом между чувствами души и тела и тем, что было вокруг в мире.

Через пару дней контраста по утрам, я уже смогла снять с себя то забвение – события прошедших дней, недель, часов... Мысли прояснились, и я успокоилась. Снова смогла видеть вокруг себя других людей, слушать музыку по дороге домой. Заметила, какой светлой стала отремонтированная станция метро. Яркие красные буквы. Белая плитка. Вагон остановился. Марсело Зарвос в наушниках помогает движению стать красивым и эмоциональным. Платформа почти пуста. И вдруг ты прямо передо мной за окном вагона. Поманила пальцем. Тебе этого и не требовалось. Ты меня ждал. Я неосознанно остановила взгляд в точке посередине туннеля, зная, что ты проходишь в двери и приближаешься. Я чувствовала твой запах снова. Ты взял мою руку в свою, вторую запустил на талию сквозь расстегнутую молнию куртки и властно развернул в пол оборота к себе. Твоя ладонь, такая теплая, медленно повернула лицо к себе. Я посмотрела в глаза, ещё злясь и отпуская одновременно. И не успела опомниться, как с неприкрытой страстью ты уже целовал меня там, в вагоне метро при всех. На секунду остановившись, я слышала твое хриплое: «Можно?» Кивнув тебе два раза с закрытыми глазами, не понимая, страшась, я пыталась сопротивляться... «Только ты в любой момент можешь ска-

зять, если захочешь, чтобы я ушел».

Две станции. 5 минут. Твоя рука скользнула по тонкой рубашке. На пару мгновений прижал к себе так близко, что я чуть не утонула, спрятав лицо на твоей груди. Помню, как шумно выдохнула в воротник куртки. Ты крепко держал меня за руку, мы шли так медленно, как будто растягивая шаги, пока все вокруг спешили домой. И снова это твоё тепло сквозь пальцы разливалось по всему телу. Мы еле затолкались в троллейбус. Ты поймал меня на льду на остановке, не дав даже испугаться, как обычно. Стоя позади на самой нижней ступени, ты иногда проводил руками по ягодицам и бёдрам под курткой. А я же всегда сопротивлялась проявлению физического влечения на публике, но... не сегодня. Это будоражило, но не пьянило. Это было просто таким естественным, не показным, не пошлым. Из того рода, что заставляет улыбнуться, увидев подобное влечение со стороны. Ещё оставалось пару белоснежных сугробов в парке, и, конечно же, я умудрилась споткнуться у одного из них. Ты попытался подстраховать, а я схватила горсть снега и пустила белую ледяную пыль в лицо, расхохотавшись от твоего несуразного недоумения.

Мы валялись в снегу, как дети, пока спины и руки не промокли до ледяных колик. Закрыв за собой белоснежную дверь, мы быстро сбрасывали мокрую одежду, чтобы согреться под пледом на кровати. И оказались полураздетыми и застигнутыми друг другом. Несмотря на лёд и зиму, кожа

горела. Я горела. Ты включил любимый плейлист, подошёл и обнял. Я позволила всему своему полуголому телу коснуться, тонуть, впиваться в такое же родное на экзистенциальном уровне тепло. Когда же я насытилась, когда каждая клеточка была... нет, не удовлетворена, не обессилена, но в умиротворении, я повернулась, коснулась твоего лица и прошептала: «Тебе пора». Закрыла глаза и уснула.

И это была первая ночь, когда я не съеживалась, как зародыш, не пыталась подвернуть под себя одеяло или обнять подушку. Когда ты исчез, я расслабилась и растянулась по диагонали на всю кровать, как бывало в детстве, когда весь мир был мне по плечу.

Часть вторая

– Ты знаешь, не понимаю, зачем мне эти курсы... Что нового они мне там расскажут? Будут давать мне глупые задания: сделать фото предмета с разными шагами диафрагмы/выдержки??? Мне это не нужно. Только денег потраченных же жалко...

– Иди! Познакомься с новыми людьми! Твои ребята на работе решили тебе сделать такой подарок! Кто-то тоже видит, что с тобой происходит, не отказывайся от такого шанса!

– Да кто там что видит. Просто знают, что я вечно ношусь с фотоаппаратом, а кадры не “ух-ты!”

– Кто-то, думаю, все такие видит, Лиза... В конце концов – лето же!! Не будешь думать, куда себя деть по вечерам! Перестанешь бродить, как зомби, одна по городу!

– То есть лучше я буду сидеть в каком-то душном классе, чем дышать свежим воздухом. – Она звонко рассмеялась, чуть не задев рукой стакан с коктейлем.

Настя медленно с наслаждением затянулась сигаретой, и взглянула на Лизу с издёвкой.

– Ну хочешь, сиди дома!

– Ладно... пойду... все же школа в центре. Буду после занятий все равно гулять!!!

– Настя!!! Я же говорила тебе! Я все это знаю, мне не интересно! Сама могу рассказать больше этим ребятам!

– Так пообщайся с преподавателем!

– Не мой типаж. Слишком в нем мало мужского.

– Ну а кто ещё в группе есть?

– Стилист – девочка, вся такая глянец, модели, постановка... Да какой-то странный тип разведённый, но правда много путешествует. И я.

– Вас трое??

– Ага. Не густо, да? Говорила мне: “Иди, познакомишься”.

– Помнишь, была такая жуткая духота на днях, ну так мы решили перебраться в кафе под увлажнители. В такой обстановке я даже не пожалела, что послушалась тебя. Все простые, когда не в стенах серого класса. Узнаешь, кто какой кофе любит, и это сближает...

– Ну, конечно, Лизка, ты как маленькая, или из лесу вышла. А зачем, ты думаешь, люди встречаются в кофейнях и пабах, ну не выпить и поесть же?? Ой, утомила, – Настя заливалась, хотя ей внутри было грустно, а Лиза покраснела.

– Прекрати... пожалуйста...

– Все-все, прости. Ой, молодой человек, принесите моей подруге ещё один коктейль и побольше льда. Спасибо!

– Настя!!! – Лиза уже зашипела, как делала всегда, когда злилась. Она сидела и боролась с обидой и неловкостью. Симпатичный официант принес джин, Лиза хлебнула, по-

чувствовала хвою и терпкость, разбавила тоником. Пару секунд, и она смогла снова улыбнуться подруге.

– Насть... мы не много с тобой пьем??? У меня на днях, кажется, были галлюцинации.

– Лиз, от парочки коктейлей раз в неделю видений не бывает. Что случилось?

– Помнишь дом напротив моей квартиры?

– Нежилой? С красивыми огромными окнами?

– Да, они до сих пор целые, мы удивлялись, что их никто не разбил. Я на днях увидела свет в окне, приглушённый, и человека, у окна прямо, он смотрел в упор на меня. Ну в смысле... я не знаю, я без линз была, но мне казалось, он меня видит, понимаешь. Насквозь, чтоли.

– В смысле, – Настя, еле сдерживаясь, – что ты давно одна ??

– Настя! Нет... дай лучше сигарету!

– Ты не куришь, Лиза, перестань!

–...

– Ну ладно, когда ты так смотришь, если бы не знала тебя – испугалась бы.

– Я потом на дверь в парадное смотрела утром – она забита, там никто не может находиться.

– Может бомж?

– Да нет, он выглядел хорошо.

– Ты же не видишь ничего в метре от себя!!!

– А его увидела, и он меня. Это я тебе и пытаюсь объяс-

нить!!!

– Как твой сосед из дома напротив?

– Он приходил в гости. Он постучал.

– Ты до сих пор не отремонтировала звонок??

– Аааа да, с ним что-то странное, электрик не понял, в чем проблема.

– И как он? Что у Вас было?

– Только обещай не смеяться, как раненая кобыла!

– Да вижу я Лиз тебя, рассказывай. Мне что-то не до сме-
ха, я скорее волнуюсь за тебя.

– Мы ездили встречать рассвет на мост.

Настя подавилась пивом.

– Что???

– Он помогает мне в задании. Это была его идея. Он сде-
лал бутерброды, взял воду, плед, я заботилась лишь о шта-
тиве с камерой. Достал мне где-то велосипед.

Настя только смотрела на подругу испуганно.

– Мы ехали по ночному городу, и, Насть... Наш город та-
кой красивый ночью!!! Улицы не черные, они коричневые
из-за фонарей. Ты знала, что у нас только две развязки с но-
вым белым светом? А там где много вывесок над Днепром –
вода, как палитра, только палитра сатаниста, потому что на
черном фоне.

– А почему ночью? – Настя почувствовал на коже мураш-
ки.

– Для того, чтобы сфотографировать рассвет, нужно приехать на место заранее, подготовиться, продумать как менять настройки, а потом, когда начнет небо сереть, начинать делать пробные кадры.

– Ого, сколько всего. Этому тебя научили на курсах?

– Нет, это я сама читала, а он организовал. Если бы не его перекус и кофе в термосе, я бы не дождалась солнца.

– То есть, ты хочешь сказать, что у Вас ничего не было, и он просто смотрел, как ты собираешься фотографировать рассвет?

– Нет, он фотографировал меня, и ты знаешь, я впервые не была этим смущена. Как-то все было очень естественно и само собой разумеющимся.

– Ну-ка, расскажи, зачем он взял плед?

– Сама знаешь! – Лиза покраснелась, но уже не смущалась этого откровения.

– Настя, ты бы видела небо. Когда оно из черного превращается в серую мглу, в этот момент все становится таким неприглядным, неопрятным. Знаешь, как говорят про час перед рассветом – он самый опасный, самый холодный, больше несчастных случаев и смертей происходит именно в это время. Вот оно и выглядит все в подтверждение как будто смерти перед перерождением. Но потом начинают просачиваться блеклые розовые и сиреневые разводы. Их становится все больше, они растут от горизонта, насыщаются цветом, наступают на серость. И все это отражается в окнах и на

поверхности воды. Знаешь, какой тихий Днепр на рассвете? Как озеро.

– Лизка, я прямо захотела, чтобы ты взяла меня с собой.

– А потом вдруг сизая часть неба становится белой, прозрачной, тает. И когда на горизонт приходят оранжевые и жёлтые разводы, небо над тобой становится постепенно голубым. Это как увидеть за полчаса все самые прекрасные картины мира. Неземной фиолетовый, тающий, как будто это облако. И яркое зарево солнечного диска. Иногда, кажется, что ты видишь, как там плавится гелий на звезде. И тут важно не пропустить момент, когда небо теряет волшебство, превращаясь в утро. Быстро упаковать вещи и уехать домой под одеяло. Чтобы сказка осталась сказкой.

– Это само по себе романтично очень, если парень приглашает встретить рассвет. Но я смотрю сейчас на тебя Лиз, ты – другая. Ты, как будто, жизнью наполнилась.

– Ну рассказывай, готовы уже его фотографии? Я бы не смогла пользоваться пленкой – пока отщелкаешь ее, пока проявишь, – уйма времени.

– Разбаловали тебя цифрой, Насть.

– Ну, так что там у вас?

– Мы проявляли у меня его пленки.

– Слушай, я помню, как делали это мои родители, а что сейчас все эти приспособления и химию можно купить???

– Да я не знаю по сути, видимо да. Он принес все с со-

бой. Было много старого, знаешь щипчики для того, чтобы доставать фото из раствора, специальные прищепки, пахло действительно детством.

– Ну да, помню, как родители закрывались в ванной, – Настя с намеком глянула на Лизу, но та не видела мелькнувшего вызова.

– Там такое освещение мы сделали, Насть, знаешь, эти красные лампы. Мышцы рук, пальцы, скулы, это все так красиво оттенялось томным красным, и уходило во мрак, фон съедал все не нужное в картинке. Очень хотелось это запечатлеть, но я не знаю как. Может нарисовать. Знаешь, я думаю о том, чтобы пойти в художественную школу.

– Ну а фото??

– Я принесла тебе парочку, – Лиза достала бордовый конверт с надписью СВЕМА.

– Вот это да... Ты у меня, конечно, красивая девочка, но это же прямо модель!

– Нет Насть, я поняла, что ты имеешь в виду, но это не я – это он.

– Лиза это твои глаза!!!! И твои руки.

– Я о том, что он сделал эти кадры просто в процессе, ещё очень много фото в стиле репортажной съемки. Он был бы очень востребован, если бы захотел сменить род деятельности.

– А чем он занимается??

– Я не знаю.

– Лиза...

– Настя, я знаю, что ты сейчас начнешь спрашивать. Я не знаю. Мне тоже интересно, но когда он рядом, столько всего происходит.

– Интересно?? Лиза, в какую игру ты играешь? Кто он, откуда? Тот же дом не жилой? Двери заколочены. Мы же только что проходили мимо! А ты с ним едешь ночью по городу и пускаешь его в свою спальню???

– Настя, Не кипятись. Я знаю, как это звучит, но на каком-то очень глубинном уровне я знаю определенно два факта:

1. Он не причинить мне зло.
2. Его не существует в нашей реальности.

Настя испуганно нервно протянула руку, прикоснулся ко лбу Лизы.

– Не горячка.

– Насть! Это я и говорила тебе пару недель назад. Пусть это мое сумасшествие сейчас, но оно не принесет никому, кроме меня, болезненных последствий. А я к ним готова.

– Что ты хочешь сказать? Что тебе в твоей фантазии жить так комфортно, и ты будешь продолжать, пока...

– Пока что Настя?? Не встречу ЕГО? Да не будет никакого ЕГО. Не верю я в это. Не может меня кто-то сделать счастливой, пока я сама с собой не знаю, что делать. Не знаю, кто я, где мне хочется быть. Конечно, ждать принца, спасающего меня от этих философских размышлений, решающего все за

меня... Это удобно. Но кто сказал, что я хочу, чтобы кто-то за меня что-то в этой жизни решал????

– Кажется, прошла целая вечность!

Лиза нежно и ласково улыбнулась подруге. Она выглядела уверенной в своих силах. А не испуганным уличным котёнком.

– Да!!! Я соскучилась! Я переезжаю, кстати.

– Куда?

– Не далеко, в паре кварталов нашла неплохую квартиру.

– А что с твоей случилось?

– Соседний дом сносят, потом будет новая стройка, очень шумно, а я как раз увидела объявление, сходила, посмотрела, неплохо, ближе к метро.

– Тебе помочь собрать вещи и переехать?

– Да, как раз хотела тебя попросить, я уже купила коробки, и тот полиэтилен с "пупырьками".

– Возьмём бутылочку чего-нибудь и устроим лёгкий разгром? Слушай, а как с тем?

– Я не знаю.

– В смысле?

– Я не видела его пару недель. Он перестал заходить, как только, я записалась на уроки живописи.

– И как ты?

– Нормально, скучаю иногда, но у меня остались его фотографии.

– Те, что ты мне показывала?

– Нет, он учил меня "видеть" мир его глазами, сквозь объектив.

– Я думала, он это делал каждую встречу с тобой.

– Да, и ты молчала? Я это осознала только в тот момент, когда он дал мне в руки свою камеру и разрешил фотографировать его. Если хочешь, зайдём потом ко мне, я тебе покажу, что вышло. Я собираюсь сделать из нескольких кадров картины, распечатаю их в А 3-ке. Они впишутся в интерьер.

– То есть ты повесишь у себя фотографии какого-то мужчины? А как же...

– Боишься, что я не смогу пригласить в гости другого? Ты когда увидишь их, поймёшь. Они обезличены. Там нет кого-то определенного. Просто свет и тень, человеческое тело. Это не о нем напоминание, а о том, что он мне дал...

– А что с уроками?

– Я рисую, Настя, представляешь?? Сижу, вся измазанная краской, когда оттираю ее потом от себя, кажется, всю шкуру с себя снимаю! Но это меня очень расслабляет, и как-то в то же время воодушевляет, будоражит. Какой-то такой трепет чувствую, особенно когда карандашом наброски делаю, и когда последние штрихи в красках остаются. Когда затиркой занимаюсь, или разбавлением тона, или правлю огрехи...

– Я рада за тебя, Лиза! А помнишь, с чего все началось?

– Да, конечно, с тех курсов фотографии. Кстати пару моих студийных кадров в белом ключе купил журнал, недавно

получила оплату.

– Ого! За тебя,– сказала Настя, протянув чашку с капучино.

– Чтобы ты окончательно успокоилась, у меня есть ещё одна новость для тебя. В школе я познакомилась с одним человеком. Нормальным настоящим человеком, я имею в виду. Он работает оператором. Снимает клипы на каком-то канале. Почему клипы и канал связан, я не помню, не спрашивай. Но знаешь, почему он меня заинтересовал? Он пришел в школу, чтобы научиться красоте не в движении, как в видео, а в моменте, который замер навсегда. Кстати, у нас скоро выставка!

– Ты светишься. Наконец-то!

– Как ты??

– Надеюсь. Новый дирижёр, помнишь, я ненавидела его. Но после того, как он решил мою проблему с контрабасом, мы разговорились, когда я пыталась его отблагодарить. И теперь я в шоке, что могу болтать с ним до утра, а утром не выглядеть как мумия. Я не сплю, в оркестре все наладилось, в душе весна!

Они обе хохотали, тем умиротворённым смехом, когда люди счастливы и готовы этим счастьем делиться со всеми вокруг. Проходя мимо разрушенных стен дома, их внимание привлекло объявление:

"Сердце не всегда испытывает чувства, пришедшие к нам от рецепторов кожи, от света, попавшего на сетчатку главно-

го яблока или звуковых волн, пойманных ушной раковиной. Мы не можем описать источники. Но иногда наши органы чувств, словно закупорены, напряжены, не способны или бояться раскрыться и впитать в себя все прекрасное, что окружает нас. Жизнь неповторима и у каждого она всего одна. Будет ли она полна – решать только тебе. Приходи к нам на занятие. И наши ребята помогут открыть душу миру вокруг. И, как бонус, покажут, что открытое сердце умеет отдавать миру больше, чем может принять само."

Лиза фыркнула:

– Очередные шарлатаны.

– Им ещё долго ждать, чтобы к ним пришли отчаявшиеся люди подарить свои деньги. Стройка затянется на пару лет!

– Кстати, хочешь ещё одно невероятное совпадение?

– Опять потустороннее? – Настя хихикнула.

– Нет, моя новая соседка. Она массажистка, делала мне массаж головы. Когда я подписывала договор аренды, разыгралась мигрень, и она предложила помочь, увидев, что я даже позеленела. Ее руки божественны. Я заставлю тебя сходиться к ней заняться твоей шеей. Так вот самое интересное, что она жила в этом доме, – и Лиза указала на развалины.

– И судя по ее странному взгляду и паре оброненных фраз, у нее есть какая-то история об этом доме!

– Позовем ее на новоселье к тебе?

– А что, хорошая идея!

– Я уже начинаю привыкать к таким историям!

Часть

третья

– Мая.

– Настя, очень приятно познакомится! Уже слышана о твоих руках!!!

– Лиза.

Девочки засмеялись.

– Мая, у тебя шикарные локоны! Всегда мечтала о таких!

– Глупости Настя, посмотри на твои гладкие волосы, знаешь, как сложно с этим? – и Мая провела рукой по длинным ярко-рыжим кудряшкам.

– У тебя имя, о котором я мечтала в детстве!

– Да? А мне оно всегда казалось банальным.

– Анастасия?? Как ты можешь?

– Да ведь меня никто так и не называет.

– Девочки! Давайте уже несите все на стол.

– Лиз, как удобно, что можно просто сидеть на полу, прямо как-то по-мароккански.

– То есть отсутствие нормального обеденного стола и маленькую площадь, можно вот так шикарно описать? Мая, да ты же кладезь!

– Кстати твое имя – оно как не из жизни, какое-то книжное, как только для вымышленных людей, хотя оно тебе очень идёт, и ты определенно настоящая...

– Настя? – Лиза притронулась ко лбу подруги.

– Я не обидела тебя? Просто нахлынули вдруг давно за-

бытые воспоминания, и меня что-то понесло.

– Мая, расскажи про дом, в котором ты раньше снимала квартиру?

– Давайте ещё немного выпьем, а то посчитаете меня сумасшедшей и ты, Лизка, будешь меня сторониться!

– Да нет, Мая, мне тоже интересно, ты ещё не знаешь этой жуткой истории от Лизы, может это ты ее станешь избегать.

– Ты меня заинтриговала, Настя! Девочки, – Мая вдруг проявила такую решительность, что глядя на ее слишком романтичный и солнечный образ, это не вязалось воедино.

– Кто будет первым?

– Думаю я на правах хозяйки дома приму решение. Первой будет твоя история, Май.

– Хорошо! Тогда сначала, тост! За то, чтобы сны, становились явью!

– Ого как закрутила, но я с тобой! – Настя была сегодня взъерошенной и не похожей на себя. Как будто что-то рвалось наружу, а она это тщательно пыталась не показать. – Подвиньте закуски поближе к себе .Итак, с чего все началось? Дайте вспомнить. Наверное, все же задолго до шороха за стеной. – Что? – спросила Лиза.– Не перебивай! Так вот, я часто считала, что со мной что-то не так. Потому что мало какие прикосновения были мне приятными. Я даже рылась в медицинских справочниках, даже нашла какие-то отклонения в работе рецепторов. Потом я изучила что и как мне приятно, вы же понимаете – что в постели это был пол-

ный ужас... Да... Давно это было. А потом через пару дней, после того, как я закончила вывозить строительный мусор и убирать белую пыль в той квартире, среди ночи сквозь сон я начала слышать странные звуки. И однажды утром я обнаружила в своей свежевыкрашенной стене дверь, которой там не было до этого...

Пока Мая рассказывала о том, что с ней происходило, глаза Насти словно застыли, ее взгляд ушел куда-то глубоко. Она все слышала, но не присутствовала. Ее мысли унеслись во времена ее учебы в музыкальном училище. Когда за пару месяцев перед выпуском и поступлением в консерваторию, она решила переквалифицироваться. Она сменила фортепиано на контрабас. И это было странно и даже дико по двум причинам: первая – годы учебы на пианино, последний семестр, на носу прослушивания и экзамены; и вторая – девушка редко выбирает контрабас. В ее голове заиграл джаз. В последний год учебы в музыкальном училище студенты выбирают дополнительный предмет: аккомпанемент или импровизация. Ее инструмент изначально даже в группе с другими или с вокалом всегда играет очень заметную и чувствительную роль. Не бывает у рояля слабой партии, она всегда значима. Настя любила свой инструмент, считала его самым прекрасным. Но ей никогда не удавалось сотворить свою мелодию, что-то сочинить. Даже небольшой этюд. Ее техника была безупречна, преподаватели считали, что экзамены в консерваторию пройдут легко. Она любила Бетхо-

вена и Баха. Любила полифонию. Импровизацию же Настя не понимала. Но однажды ее напарник по аккомпанементу и учитель – заболели. Ее никто не предупредил, и на урок пришел командировочный преподаватель. Так он ей объяснил. Она никогда до этого не обращала внимания, что в классе стоит огромный футляр. А он к нему подошёл и раскрыл. Там оказался изумительной красоты контрабас. Раньше ни один инструмент кроме рояля не вызывал у нее такой восторг. Она обожала его открытые струны, изящность и мощь, сложность создания звука, ширину клавиатуры, блеск полированного дерева... Контрабас был красного дерева. А смычок настолько изящным, что ей захотелось вдруг провести по нему пальцами. Настя на мгновение даже испугалась "шалым" мыслям в голове.

– Что сейчас твое любимое?

– Бах, Этюд #11.

– Начинай.

Где-то в месте, где основная тема вновь вступила в свою главную роль, она услышала справа за спиной глубокие звуки, он щипал струны. Ее Бах превратился в дуэт, дополненный каким-то странным джазовым ритмом. Она остановилась, и спросила о своих подозрениях. Так и есть, он был импровизатором. Настя испугалась, ладони мгновенно вспотели, сердце билось слишком громко и часто.

– Тебе не понравилось?

Тембр его голоса был каким-то слишком сродненным со

звуками его контрабаса. Он успокоил ее в одно мгновение.

- Очень. Это и удивляет. Я никогда такого не слышала.
- Хочешь попробовать?
- Я не умею сочинять.
- Ты просто ещё себя не знаешь. И я не это имел в виду.
- Ты... – Настя запнулась, – ты имеешь в виду контрабас?
- Он провел смычком по струнам в ответ.
- Я думала это мужская каста, быть "контрабандистами".
- Я не люблю эту шутку.
- Извини. – Обычно дерзкая Настя почувствовала, что ей не нужно с ним играть в постоянный вызов.
- Это миф. Ты можешь играть на всем, чем угодно, если музыка – это твое.
- А если нет?
- Ты сомневаешься в себе?
- Постоянно. Я постоянно думаю, правильное ли решения я приняла, уйдя в училище из школы.
- Давай мы сыграем мою любимую, и встретимся ещё завтра. И завтра ты ответишь себе.

Через три дня Настя впервые притронулась к струнам контрабаса. Не в смысле "просто потрогать". Но чтобы сыграть. Она попросила научить ее. Через неделю, она начала думать о том, что не выбор музыки был неправильным. А выбор инструмента. А через месяц она поняла, что важно не играть основную тему. Гораздо значимей своей партией давать жить всему произведению. Достаточно пару нот, исчезающих как

в темноте, но они превратят всю композицию в то, что тронет сердца слушателей. Она брала уроки два месяца. Прямо перед экзаменами сообщила о смене специализации своему куратору. Настя хотела остаться ещё на год, чтобы дорасти до уровня камерного оркестра. А в дерзких мечтах, возможно, все же поступить в консерваторию по классу контрабаса. Но куратор, расспрашивая о причинах, никак не мог понять, у кого она смогла так быстро схватить азы игры на струнном инструменте.

– Настя, какая замена? У нас не было среди командировочных "контрабандистов". Ты просто пропала с аккомпанемента. Твой преподаватель оценил тебя экстерном, так как тебе действительно нечего было тратить время на этот предмет. У нас на тебя другие надежды.

– Извините, как пропала? – Настя осеклась на вопросе.

Она почему-то не смогла затеять спор, что был преподаватель на стажировке, что он договорился про смену предмета для нее на последнем семестре. Какое-то странное чувство уберегло ее от обычной воинственности, и она не стала спорить и доказывать, что был учитель, уехавший всего-то пару дней назад. Почему? Она была молода, чувственна, а он стоял позади, трогая ее плечи, дыхание на шее... Обучая ее правильным движениям смычка, прикасался пальцами к ее руке, расставляя их на струнах... Конечно, она чувствовала себя нарушителем всех правил, так как кроме всего прочего, она ещё и закрутила роман с преподавателем. Она

лишь оправдывала себя тем, что больше всего ценила не их любовные отношения. А то, что с каждой секундой узнавала, изучала и могла воспроизводить все новые оттенки звука. Она осознала, что есть музыка, как будто впервые. Она приняла, что все прекрасное нужно оттенять, чтобы оно стало восхитительным. Каждым томным, глубоким, сочным полутонотом она дарила своим любимым произведениям новую жизнь. Оставаясь словно в тени, без которой не было бы света во всей комбинации звуков.

Сквозь вопросы куратора перед глазами у Насти стали мелькать разные несовпадения и несуразности этих двух месяцев ее жизни. Она поняла, что много не замечала. По своей сути Настя всегда была больше всех замкнута в себе. Не в своем мире, нет. Она просто не делилась своим миром со многими. А здесь, в училище, так и не нашлось того, с кем бы она могла обсудить такие открытия и перевероты, которые с ней сейчас происходили. Ни с кем, кроме него. И даже их прощание было странным. Он не оставил контактов, хотя она и не просила – гордая. Он только сказал: "Теперь твоя душа на своем месте. И я больше не нужен здесь". Нежно поцеловал, долго смотрел в глаза и очень тихо закрыл за собой двери.

Звуки реальной жизни начали проникать в ее сознание:
– Знаешь, Лиз, почему я решила сблизиться с тобой... Твои фотографии. Это он, я уверена, я слишком хорошо помню, как прикасалась. Прости, если я обидела тебя.

– Мая, подожди, нет, не обидела. Стой.

– Сижу. – Мая немного нервно рассмеялась.

– Ты думаешь, это он пришел к тебе перед тем, как ты поняла, что хочешь изучать массаж?

– Да, – Мая оборвала Лизу, – я даже уверена, что это твой незнакомец из моего дома.

– Девочки. Мне нужно, чтоб вы меня выслушали. Лиз, я пойму, если ты будешь злиться.

– Настя??? Ты же знаешь, что я не могу на тебя злиться, – Лиза недоуменно смотрела на лучшую подругу.

– Сколько ты меня знаешь, Лиз?

– Может мне лучше вас оставить?

– Да нет, Мая, ты как раз тут тоже нужна, – сказала с улыбкой Настя. Ее лицо смягчилось, и Лиза перестала волноваться. Настя молчала дольше, чем требовалось. Она боролась с собой. Она продолжала быть слишком скрытной.

– Лиза, я уезжаю. Мне предложили присоединиться к Мюнхенскому оркестру. Я уже прошла все отборы. Меня утвердили.

– Ой, девочки.

– Нет Мая, я чувствую, ты наш человек, кто-то должен остаться с Лизой.

– Настя. НАСТЯ!!! Это же колоссально!!!!

Девочки, чуть не перевернув журнальный столик с почти нетронутой едой, вскочили и начали обниматься, целуясь и громко смеясь.

– Стой, а как же режиссер! Тьфу. Дирижер?

– Он едет со мной, он будет учиться в какой-то их высшей школе.

– Выше, чем консерватория?

– Это частное обучение, он же хочет уйти от симфонии к року, чему-то нестандартному. Я до конца не поняла, у нас это все произошло очень быстро и одновременно у обоих.

– Тогда я спокойна за тебя.

– Ой, девочки, что-то я устала, может, уже разбежимся спать?

– Оставайся, Мая, сегодня с нами.

– Да я же рядом совсем.

– Ну да-да другой корпус, пока дойдешь, уже можно уснуть! Да и посмотри, какой ливень там!

– Уговорила!

Засыпая, каждая думала о своем маленьком волшебстве. Бесценном подарке мироздания. Они не понимали, почему им так повезло. Но каждая из них испытывала счастье от того, что умела "дарить". Хотя до странностей в их жизни, Мая, Настя и Лиза считали себя обделенными, несовершенными, и даже неправильными от того, что не могут взять от мира все то, что легко берут окружающие.